

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КРАХ ПЛАНОВ «ОХРАНЫ» МОСКВЫ ОТ РЕВОЛЮЦИИ

Б. Ф. Ливчак

Отряд конной полиции во главе с полицмейстером генерал-майором Золотаревым примчался к Преображенскому рынку одновременно с прибытием к месту происшествия помощника московского градоначальника полковника Модля. Толпа встретила полицию камнями. Увещевания и угрозы Модля оборвал метко брошенный в него булыжник, и тогда конные полицейские врезались в толпу, хлеща палочками людей. Это было 5 апреля 1915 г. (здесь и ниже даты приведены по старому стилю). 8 и 9 апреля «продовольственные беспорядки», сопровождавшиеся столкновениями с полицией, повторились на Большой Пресне¹. То были первые волнения в Москве с начала мировой войны. Они сочетались со стачками рабочих на заводах и фабриках, вновь усилившимися после временного спада забастовочного движения. Московские власти с помощью черносотенцев, пытались отвлечь народные массы от революционной борьбы, спровоцировали погромы. 28 и 29 мая улицы Москвы огулались гулом толпы и звоном разбиваемых витрин². Дым горевших магазинов обволакивал порою целые кварталы. События приняли такой оборот, что полиция оказалась не в состоянии восстановить порядок и обратилась за помощью к войскам Московского гарнизона. Команды по 25, 50 и 100 солдат были отправлены на заводы «Геккенталь», Андерсена, Густава Листа, фабрику «Эйнем» и другие. По донесению командира 664-й дружины государственного ополчения, одна из его рот, водворяя порядок, вынуждена была прибегнуть «к действию оружием, причем один из толпы убит, а трое ранены». 200 безоружных ратников той же дружины были посланы в распоряжение бранд-майора Москвы «для помощи в тушении пожаров»³. 30 мая с 22 часов прекратилось уличное движение, закрылись театры, кинематографы и рестораны. Прохожие, не имевшие специальных пропусков, задерживались патрулями...⁴

Истекал первый год войны. Русская армия, успешно наступавшая в 1914 г. в Галиции, весной и летом 1915 г. оказалась вынужденной не только покинуть ее, но и оставить затем западные губернии Российской империи. Не хватало снарядов, не во что было обуть новые наборы солдат. Запасы военного ведомства иссякли в первые полгода войны, а промышленность оказалась не в состоянии восполнить непредвиденные по масштабам расходы боеприпасов и снаряжения. В тылу все тяжелее становилось с продовольствием, топливом, промышленным сырьем. Росла дороговизна. Слухи об измене в верхах как бы подтверждались смертным приговором по делу о шпионаже полковника Мясоедова и последовавшей отставкой, а затем и арестом связанного с ним военного министра Сухомлинова⁵. Думская оппозиция во имя войны до победного конца потребовала отставки правительства И. Л. Горемыкина и образования «кабинета общественного доверия». В ответ царь распустил 3 сентября 1915 г. Думу «на канику-

¹ «Русское слово», 7 и 9.IV.1915; «Биржевые ведомости», 6, 7 (утренний выпуск) и 11.IV.1915.

² В резолюции, поданной городскому голове, рабочие организации заявили резкий протест против погромщиков и потребовали официального заявления от властей, что рабочие не участвовали в погроме («История Москвы». Т. V. М. 1955, стр. 316).

³ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 90, лл. 7—14; д. 173, л. 258.

⁴ «Русское слово», 29 и 31. V. 1915.

⁵ См. подробнее: К. Ф. Шацкило. «Дело» полковника Мясоедова. «Вопросы истории», 1967, № 4.

лы». Одновременно впервые за войну были призваны ратники государственного ополчения 2-го разряда — единственные кормильцы в семьях. Ненависть в народе вызывали «архангелы» — полицейские, которых не призывали в армию. «Обсуждение роспуска Думы идет в рабочих кругах, — телеграфировал 4 сентября начальник московской охраны полковник Мартынов. — Сегодня бастовало, в связи с этим и опубликованным призывом ратников 2-го разряда, в восьми предприятиях 2 360 человек. Были выставлены требования призыва полиции в войска»⁶. На следующий день число забастовщиков превысило 17 тысяч. Остановился трамвай. Среди рабочих Москвы, согласно донесению градоначальника генерал-майора Климовича, «получили перевес большевистские течения»⁷.

14 сентября в Москве опять слышалась стрельба. На Страстной (Пушкинской) площади прохожие вступились за солдата, нарушившего правила проезда «нижних чинов» в трамвае (им разрешалось ездить только на площадке, не входя в вагон). Происшествие переросло в схватку толпы с полицией. Она продолжалась с 18 часов до глубокой ночи. Были вызваны войска. Дело дошло до попытки возвести баррикады на Тверском бульваре. В результате открытой солдатами стрельбы четверо были убиты, несколько десятков человек ранено⁸. «Сборник социал-демократа» писал о «побоище между полицией и москвичами»⁹. Московский градоначальник констатировал: «Резкая озлобленность... толпы, вызвавшей своими действиями печальную необходимость прибегнуть к оружию..., указывает на некоторый противоправительственный характер этого, пока еще случайного выступления, несомненно, создавшегося на почве той противоправительственной агитации в обществе и печати, которая стала лозунгом настоящего политического момента»¹⁰. И вновь в Москве последовали стачки, сначала экономические, а 23 сентября — и политические, «под предлогом памяти 9-го дня по убитым во время последних уличных беспорядков»¹¹.

В. И. Ленин в статье «Поражение России и революционный кризис», написанной в сентябре 1915 г., отмечал: «Все видят теперь, что революционный кризис в России налицо...»¹². Московские власти были серьезно озабочены ростом революционных выступлений в «первопрестольной». В октябре 1915 г. в штабе 1-го ополченского корпуса (самое крупное в Москве воинское соединение) командиры воинских соединений и некоторых частей гарнизона, градоначальник, полицмейстеры и другие высшие чины столичной полиции и жандармерии разработали так называемый план «охраны» Москвы — перечень карательных действий войск и полиции на случай выступлений пролетариата. Хотя даже обыкновенные уличные происшествия «могут вылиться в форму беспорядков», говорилось в объяснительной записке к нему, однако «вследствие повышенного нервного настроения жителей, вызванного отчасти военными событиями, отчасти дороговизной, а главным образом стремлением некоторых слоев населения к перемене политического курса, в Москве могут возникнуть заранее подготовленные, более или менее правильно организованные выступления, которые могут принять угрожающий характер»¹³. Московские власти не были уверены, что 5-тысячная армия полицейских сумеет подавить народные волнения, и считали необходимым привлечь для этой цели войска гарнизона.

Город был разделен на 4 отдела, территориально совпадавших с существовавшими 4 полицейскими отделениями: центр Москвы; западная и северо-западная ее части; восточная и северо-восточная; южная часть. Начальником первого отдела назначили командира 11-й пехотной запасной бригады генерал-майора Силу-Новицкого; второго — командира 192-го пехотного запасного полка генерал-майора Люстрова; третьего — командира 63-й бригады государственного ополчения генерал-майора Бут-Гус-

⁶ «Буржуазия накануне Февральской революции». 1917 год в документах и материалах. М.—Л. 1927, стр. 39.

⁷ Там же, стр. 33, 37.

⁸ «Русское слово», 16.IX.1915.

⁹ «Сборник социал-демократа» издавался редакцией ЦО РСДРП(б) за границей под руководством В. И. Ленина. Цит. по: «Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны». Сборник документов. М. 1966, стр. 162.

¹⁰ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 37.

¹¹ Там же.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 26.

¹³ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 51, лл. 86—87 об.

саипова и четвертого — командира 665-й пешей Екатеринославской дружины полковника Катыбаева. Отделы подчинялись командующему 1-м корпусом государственного ополчения генералу Вогаку. Функции штаба «охраны» принял на себя штаб 1-го ополченского корпуса. Из войск Московского гарнизона для карательных целей выделялось более 12 тыс. солдат и офицеров. Запасные полки и школы прапорщиков, занятые подготовкой пополнения для действующей армии, рассматривались как резерв. Гарнизонная служба и первоочередной наряд на случай вызова войск в помощь полиции возлагались на 7 дружин государственного ополчения, составлявших 63-ю ополченскую бригаду.

План «охраны» Москвы в зависимости от ситуации предусматривал следующие «положения»: первое было связано с «ожиданием могущих быть беспорядков» и «повышенным нервным настроением рабочих и уличной толпы»; второе — «когда беспорядки выльются в реальную форму»; третье — «когда беспорядки принимают угрожающий характер». При известии о возможности «беспорядков» отделы «охраны» должны были назначить дежурные воинские части и привести их в готовность по «первому положению». Это означало, что отменялись отпуска личного состава, офицеры прибывали в часть, солдаты получали боевые патроны. Но дежурные части оставались пока на местах. При «втором положении» они занимали «угрожаемые» районы. Особые караулы выставлялись у мостов, вокзалов, почтамта, телефона, электростанций, сооружений водопровода, государственных и частных банков, сберегательных касс, а также военных заводов, оружейных складов и т. д. При «третьем положении» выслались заставы и разезды на площади и некоторые улицы «для воспрепятствования проникновению толпы» к центру; выделялись резервы: «Войска занимают третье... положение после высылки всего отряда, назначенного на охранение... Командование переходит всецело в руки военных властей... Войскам действовать решительно, ни в коем случае не допускать залпов вверх и стрельбы холостыми патронами»¹⁴.

При введении того или иного «положения» полиция должна была оказывать содействие войскам, называть предполагаемые «очаги брожения» (крупные заводы и фабрики), сообщать о том, куда ожидалось «направление движения толпы». «Нервом» 4-го отдела, например, считался путь от Крымского моста через Калужскую (Октябрьскую), Серпуховскую (Добрынинскую) площади, Краснохолмский мост к Яузскому мосту: «Закрытие их воспрепятствует проникновению демонстрантов из Замоскворечья к центру». Среди особых объектов «охраны» четвертого отдела на первом месте стояла Марф-Марьянская обитель; игуменьей ее была великая княгиня Елизавета Федоровна, которую народ подозревал, как, впрочем, и ее сестру — императрицу, в шпионаже в пользу Германии. Но воспоминания французского посла в России М. Палеолога, среди москвичей распространялся слух, что в Марф-Марьянской обители скрывался военнопленный брат княгини герцога Гессенский¹⁵.

При введении второго и третьего «положений» предусматривалось выделение грузовых автомобилей для переброски войсковых резервов, а также легковых машин и мотоциклеток для связи. Центральной телефонной станции давалось распоряжение разъединять номера телефонов, а для телефонной связи отрядов со своим командованием и между собой вводился пароль. Таким образом, осенью 1915 г. московские полицейские и военные власти, готовясь к подавлению революционных выступлений, тщательно разработали программу своих действий: определили дислокацию военных отрядов, задачи каждого из них, вопросы транспорта и снабжения. Позднее, отвечая перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, один из авторов плана «охраны» генерал Климович сообщал: «План был такой. Полиция в случае беспорядков сводилась в команды полицейских чинов, потому что... во время беспорядков врозь, единично, полицейский на посту... держаться не может, так как его собьют... А затем... приглашались войска и каждой воинской части придавался наряд полиции. Город был распределен на районы, и в каждом районе полицейский чин ознакомлял военных... с расположением казначейств, банков и прочих учреждений, которые подлежали охране, особенно военных складов, а также тех... дефиле, закрытие которых должно было бы препятствовать чрезмерному скоплению толпы... Система сводилась к тому, чтобы...

¹⁴ Там же, ф. 8179, оп. 1, д. 36, л. 128.

¹⁵ М. Палеолог. Воспоминания. М. 1923, стр. 39.

пользуясь реками... Москвой и Яузой, разделить и избежать большого скопления толпы...»¹⁶.

В материалах ЦГВИА СССР содержатся сведения о том, как использовались войска Московского гарнизона в соответствии с планом «охраны» со времени его принятия и вплоть до Февральской революции. Расквартированной в Москве и ее окрестностях 63-й бригадой государственного ополчения (ее 7 дружин, численностью по 1 тыс. человек каждая, составляли основу сил «охраны») за 1915 г. было выслано 59 нарядов (связанных с «беспорядками»). В них участвовало 3782 ратника и офицера ополчения. Их посылали на заводы, электростанции и чаще всего в трамвайные парки в связи с забастовками. Оружие, согласно ведомости, из которой приведены эти данные, применялось один раз, причем было убитых 1 и раненых 2 человека¹⁷. В первой половине 1916 г. произошел некоторый спад антиправительственных выступлений. Но нараставшие продовольственные трудности и другие тяготы войны обостряли недовольство широких масс. Под влиянием большевистской антивоенной агитации оно становилось все более грозным. В сводке московского охранного отделения на конец февраля отмечалось: «Было бы большой ошибкой судить о настроении русского общества в настоящий момент по внешним проявлениям... Положение гораздо серьезнее и настроение общества гораздо более тревожно... В надлежащий момент и при надлежащих условиях это острое и глубоко распространенное недовольство и раздражение с чрезвычайной легкостью может быть использовано в революционных целях... И с величайшим прискорбием приходится констатировать, что именно в Москве — этой недавно прочнейшей опоре трона — факт угрожающего падения престижа верховной власти находит себе полное подтверждение»¹⁸. Не удивительно, что штаб «охраны» Москвы был постоянно на чеку. Еще в конце 1915 г. он запрашивал начальника артиллерии Московского военного округа о том, какие предприятия в городе изготовляют ручные гранаты, «на предмет выставления охраны на означенные заводы, если это потребуется». В середине февраля 1916 г. начальники отделов «охраны» докладывали, как они намереваются «охранять» заводы и мастерские, выпускавшие «взрывчатые предметы», «которые могут служить в руках толпы орудием разрушения»¹⁹. Была отмечена, в частности, недостаточность воинской охраны артиллерийского завода. К заводу бр. Дильлоп, изготовлявшему осветительные патроны «с громадным запасом» их, рекомендовалось «во время беспорядков» послать войска. Летом 1916 г. по приказу генерала Вогака была разработана дополнительная инструкция для караулов на производящих боеприпасы заводах. Начальнику караула Баденской фабрики, вырабатывавшей удушливые газы и имевшей большие запасы взрывчатых веществ, предписывалось: «При скоплении народа перед заводом вызвать караул и следить за действиями толпы, и при признаках враждебных действий... заставить разойтись самыми энергичными действиями, вплоть до применения оружия... Один, но меткий выстрел по переднему остановит и вразумит толпу, между тем залп, выпущенный мимо толпы, только обозлит толпу и обнаружит ей нерешительность караула, а это последнее погубит и караул, и охраняемую фабрику». Подобные же инструкции были посланы начальникам караулов Московского артиллерийского завода, завода Русского общества «Всеобщая К⁰ электричества» и др.²⁰

Осенью 1916 г. продовольственное положение в Москве резко ухудшилось. Начальник московской охранки полковник Мартынов сообщал, что «среди рабочих... заметно сильное брожение ввиду недостатка продуктов первой необходимости»²¹. В связи с этим войскам «охраны» было приказано все наряды вне части сократить до минимума, людей из казарм не увольнять, начальникам частей и офицерам «быть наготове в казармах по первому требованию». 2 октября при градоначальнике состоялось совещание по «охране» Москвы «на случай беспорядков». Все отделы «охраны» должны были подготовить к совещанию свои предложения. 4 и 5 октября полицию официально поставили в первое «положение»²².

¹⁶ «Падение царского режима». Т. 1. Л. 1924, стр. 126.

¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 90, лл. 7—11.

¹⁸ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 75—76.

¹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 51, лл. 154, 156, 181—186; д. 73, л. 588.

²⁰ Там же, д. 51, л. 262.

²¹ Там же, л. 284 об.

²² Там же, лл. 282—286, 290, 291.

Штаб «охраны» был озабочен также политической неблагонадежностью личного состава войск. Имелись сигналы о проникновении революционной агитации в казармы. Один ротный командир писал по этому поводу: «Нижние чины вверенной мне роты... могут быть разделены на две категории: негородской элемент и неподмосковные крестьяне... не представляю элемента, подходящего для восприятия революционной пропаганды... Это все землешапы, не зараженные вредными идеями... семейные, со сложившимися государственными убеждениями, конечно, сообразно их сравнительно низкому умственному развитию... Относительно остальной части роты, в большинстве москвичей — ремесленников, купцов и других званий и занятий, я не могу быть такого же оптимистического мнения о их нравственной и политической благонамеренности...»²³.

К осени — зиме 1916 г. относится расширение и усовершенствование аппарата «охраны» Москвы. Увеличилась численность полиции. Новый ее штат составил 5 970 чел. (при тогдашнем населении Москвы в 2 017 тысяч)²⁴. До первой русской революции Москва делилась на три полицейских отделения. В начале 1906 г. под влиянием революционных событий число полицейских отделений выросло до четырех, а в конце 1916 г., за 4 месяца до Февральской революции, прибавилось еще одно (ему соответствовал 5-й отдел «охраны»). Войска этого отдела (южная часть города) составляли 6 рот пехотных запасных полков и 2 роты ополчения общей численностью в 2 тыс. человек. Начальником нового отдела был назначен ранее возглавлявший 4-й отдел полковник Катыбаев, а его прежнее место занял полковник Шавинский (командир 664-й Полтавской дружины)²⁵. На проекте приказа о новом распределении войск между отделами «охраны» имеется характерная резолюция командующего войсками Московского военного округа генерала Фрозовского, помеченная 6 января 1917 г.: «Забыты дозорные, назначаемые в настоящее время ежедневно... Рельефнее подчеркнуть, что действия вызванных войск будут зависеть от строевых начальников, а не от полицмейстеров... Телефонная станция должна быть занята при первом же положении... Заготовить теперь же планы Москвы по числу рот и строевых начальников»²⁶. Московский градоначальник, со своей стороны, тогда же потребовал от полиции усилить наблюдение за местами, «где возможны агитационные или демонстративные сборища публички и неблагонадежных элементов (народные гуляния, площади, бульвары, а также фабрики, заводы..., высшие учебные заведения и т. д.)..., за театрами, народными домами и кинематографами, где злонамеренные лица могут допустить демонстративные выходы. Дежурные по театрам офицеры и полицейские надзиратели должны особое внимание обратить на дешевые места, где бывает учащаяся молодежь и рабоче»²⁷.

И вот наступил 1917 год. Пошли два последних месяца существования монархии. Самодержавие заблаговременно и даже методически готовилось в Москве к подавлению революции. Помимо повседневных профилактических и репрессивных мер, военные власти и полиция разрабатывали детальные военно-тактические планы уличной борьбы. В начале января 1917 г. полицмейстерам, приставам, ротным командирам московского, варшавского (эвакуированного в Москву при оставлении Варшавы) жандармских дивизионов и командирам казачьих сотен была отправлена срочная телеграмма помощника градоначальника: «9 января с раннего утра всем быть в первом положении, иметь наготове около заводов и фабрик усиленные наряды и ни в коем случае не допускать каких-либо демонстраций, а также выбрасывания флагов и пения революционных песен. Оренбургской казачьей сотне расположиться с 7 часов утра на Пресне по указанию полицмейстера. Полицмейстеру пятого отделения иметь достаточный наряд на Ордынке (там находилась резиденция вел. княгини Елизаветы Федоровны. — Б. Л.). В районе заводов иметь разъезды из казачьих и конных отделений силою

²³ Там же, д. 173, л. 160.

²⁴ Наружной полиции — 4 739 чел., вновь введенного полицейского резерва — 228, сыскальной полиции (без канцелярского персонала) — 163, конно-полицейской стражи — 306 и служительской команды (обслуживавшей места заключения) — 534 («Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате», отд. II, СПб. 1902—1916, 30 октября 1916 г., № 307).

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 51, лл. 311, 313—314.

²⁶ Там же, д. 86, л. 13.

²⁷ Там же, л. 83.

не менее десяти всадников»²⁸. 9 января забастовало более 30 тыс. человек. В память жертв «кровавого воскресенья» состоялись демонстрации на Тверском бульваре, на Театральной (Свердлова), Лубянской (Дзержинского) и Елоховской (Бауманской) площадях, на Балчуге, в Рыкуновом (Балакиревском) переулке, за Пресней и у Красных ворот. Это было первое за время войны крупное массовое политическое выступление московского пролетариата²⁹. Разгоном демонстраций занималась полиция вместе с четырьмя отдельными казачьими сотнями, которые при новом градоначальнике генерале Шебеко были выделены из московского гарнизона и приданы полиции³⁰.

По данным петроградской охраны, «слухи о «ближайших событиях» создали ту почву, на которой теперь наблюдается странное ожидание обществом «событий первой важности», приурочиваемых то к 9-му января, то к 12-му, то к 24-му, то к 1 февраля, 8, 14 и т. д.»³¹. Через три дня после забастовок и демонстраций 9 января не только полиция, но и все остальные силы «охраны» были поставлены в «первое положение». 20 января начальникам отделов «охраны» предписывалось немедленно получить указания от полиции «относительно вероятных очагов беспорядков, направления движения толпы, пунктов, подлежащих особой охране (казармы и общественные здания, винные склады и лавки, оружейные магазины, заводы и мастерские, работающие на нужды обороны и в особенности производящие оружие, взрывчатые составы и т. п.)». 22 января штаб Московского военного округа издал приказ: при возникновении беспорядков «никого из казарм не увольнять, поставить к воротам казарм и у выходов надежных дневальных с винтовками и патронами..., усилить охранение артиллерийских складов»³². С 6 по 10 февраля проходила сверка телефонов всех звеньев «охраны» «на случай порчи своего телефона», заблаговременно указывался ближайший аппарат для восстановления связи. 11 февраля штаб Московского военного округа запрашивал отделы «охраны», по каким адресам при возникновении выступлений высылать грузовики для переброски резервов, легковые машины и мотоциклетки.

12 февраля начальник 4-го отдела «охраны» полковник Шавинский рапортовал о возможном «движении толпы от застав к центру, через мосты Яузский, Устьинский, Дворцовый, Госпитальный, Костомаровский» и о том, что «занятие таковых назначенными взводами» остановит «дальнейшее продвижение толпы». «Заводы, работающие на оборону государства, указанные полицией, — сообщал он, — заняты» (завод снарядов Военно-промышленного общества, «Марс», металлический завод Гужона, электромеханический «Динамо», Городской газовый завод, автомобильный завод Рябушинского, химико-фармацевтическая фабрика Келер и др.)³³. Кроме того, «имелись под наблюдением» заводы «Перенуд», Подобедова, инженера Бари, Цитроэн, акционерного общества Беккеля и Военная лаборатория. 4-й отдел «охранял» также Курский вокзал, Золоторожский трамвайный парк, Рогожскую электрическую подстанцию, отделение таможи, три сберегательные кассы, тюрьму и пять мостов через Яузу. Для «охраны» всех объектов этого отдела выделялся 31 взвод. «Офицеры, — рапортовал начальник отдела, — знают свои обязанности... Выполнение мероприятий по прекращению беспорядков будет произведено мною самостоятельно, пока не признаю задачу своей выполненной...»³⁴.

Важнейшими объектами 1-го отдела являлись почтамт и телефонная станция, сберегательная касса и банки на Кузнецком мосту и Петровке, для «охраны» которых выделялся 251-й пехотный запасный полк³⁵. Страстную и Театральную площади, Москворецкий мост должны были занять взводы 662-й дружины и 56-го пехотного запасного полка. «Охрана» Кремля и Красной площади вверялась ротам этого же полка, квартировавшим в Кремлевских казармах. Войскам 1-го отдела предписывалось «быть в походном снаряжении и вооружении, иметь по 30 патронов..., действовать

²⁸ Там же, л. 15.

²⁹ «История Москвы». Т. V, стр. 343—344.

³⁰ Генерал Шебеко сменил Климовича в марте 1916 года.

³¹ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 125.

³² ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 86, л. 34; ф. 8782, оп. 1, д. 10, л. i об.

³³ Там же, д. 86, л. 111.

³⁴ Там же, лл. 141, 200 и 201.

³⁵ Там же, л. 130.

оружием, когда полиция, исчерпав все собственные средства к рассеиванию толпы, обратится за содействием»³⁶.

Непосредственным поводом к таким приготовлениям штаба «охраны» Москвы явилось возобновление 14 февраля сессии Государственной думы, что, по предположению департамента полиции, могло вызвать «повышенное настроение», забастовки, демонстрации и создавало опасность «вооруженных столкновений» с полицией³⁷. Большевики действительно призывали к забастовке и демонстрации, но не в пользу буржуазно-помещичьей Думы с ее требованием «ответственного министерства», а под лозунгами демократической республики, мира, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьей земли. РСДРП(б) предлагала провести забастовки и демонстрации в Москве 13 февраля, в годовщину позорного приговора царского суда по делу думской большевистской фракции. Располагая сведениями о выступлениях, полиция совместно с войсками «охраны» готовилась к их беспощадному подавлению. Но события 14 февраля не достигли большого масштаба. Забастовки в Москве не были значительными: сказались произведенные накануне аресты актива большевистской организации. В приказе командующего войсками Московского военного округа от 15 февраля разрешалось уже использовать запасные части для содействия полиции «только в случае израсходования дружин». Военные власти несколько успокоились. Однако 27 февраля, после получения в Москве известий из Петрограда о начавшейся там революции, командующий войсками Московского военного округа приказал заменить войсковые наряды, занятые расчисткой путей от снега и т. п., командами выздоравливающих «с таким расчетом, чтобы с... утра 28 февраля возможно большее число ратников было возвращено в дружины»³⁸. 28 февраля штаб округа отдал распоряжение отделам «охраны» через каждые 3 часа уведомлять его о всех происшествиях, связанных с войсковым нарядом в Москве³⁹. Эти донесения позволяют уточнить ход событий Февральской революции в Москве.

С утра 28 февраля отделы «охраны» перешли ко «второму положению», а затем к третьему. Распоряжение о «втором положении» начальник 3-го отдела генерал-майор Бут-Гуссаинов получил от полицмейстера в 9 часов утра. Тут же было приказано дежурным частям немедленно занять заранее назначенные пункты. В 9 ч. 20 м. поступил приказ усилить караулы у центральной пересыльной тюрьмы; в 10 ч. 30 м. — установить «наблюдение за типографиями»; в 14 ч. 40 м. — усилить караул у Симоновских артиллерийских складов; в 18 ч. 15 м. — выслать полуроту для охраны Сокольниковской тюрьмы. В течение дня от всех командиров воинских частей отдела поступили донесения, что в пунктах их размещения порядок не нарушался⁴⁰.

«В 9 часов 15 минут полицмейстер сообщил мне по телефону, — записал начальник 4-го отдела полковник Щавинский, — что толпа в некоторых местах начала вести себя вызывающе и даже в некоторых случаях обезоружила полицейских, и минут через 15 — 20 будет объявлено второе положение. В 10 часов 10 минут было получено приказание... перейти на второе положение». Войска занимали заранее определенные пункты: площади, мосты, заводы. Два взвода 664-й дружины явились на Таганскую площадь и на завод «Динамо», которые полковник Щавинский «распорядился немедленно занять», так же как завод Бари, возле которого «собралась толпа и ему угрожала». На фабрику Остроумова была послана из резервов полурота 85-го пехотного запасного полка. Один взвод 664-й дружины был направлен на Хитров рынок на основании телефонограммы штаба «охраны» занять пункты Садового кольца. В момент прибытия войск на завод «Марс» рабочих там не оказалось. На заводе Гужона рабочие работали, но через 5 минут после прихода войск разошлись. На Военно-промышленном заводе рабочие отсутствовали. «На Таганской площади было обыкновенное оживление, и хвосты, стоявшие у булочных, вели себя спокойно». «На Хитровом рынке было сначала незначительное движение, но вскоре все

³⁶ Там же, д. 51, л. 129 и об.

³⁷ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 179, 180.

³⁸ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 86, лл. 171—173.

³⁹ Там же, л. 174.

⁴⁰ Там же, л. 178.

утихло». Устьинский и Яузский мосты взводы заняли в 12 ч. 30 м.; перед этим толпа около 200 человек «прошла спокойно через мост, а затем все стихло, но в 5 часов дня вновь появилась толпа, возвращавшаяся из города... Курский вокзал в 11 часов дня занят, все спокойно». Та же картина имела место и в других пунктах⁴¹.

Начальник 5-го отдела полковник Катыбаев донес, что по телефонному требованию полицмейстера его отдел 28 февраля (время не указано) перешел на «второе положение»⁴². Наибольший интерес представили бы, конечно, донесения из 1-го отдела «охраны» — центра Москвы, но, к сожалению, они пока не обнаружены. Сводку о состоянии «охраны» в целом на 16 часов 28 февраля дал генерал Вогак в телефонном донесении командующему войсками округа: «Войска находятся во втором положении, кроме первого отдела, войска которого около 12 часов дня перешли в третье положение. Эксцессов со стороны толпы не было. Войска оружия не употребляли. От четвертого отдела получено извещение, что нет полиции: 1) у Дворцового моста и 2) на Таганской площади. От пятого отдела получено донесение, что городовые были сняты с постов, потому что толпа стала обезоруживать их. Прошу, чтобы полиция покидала посты только в крайней необходимости. Городовой караул от ополченских дружин не сменен вторые сутки за неимением людей. Прошу распоряжения, чтобы 1 марта городовые караулы были сменены нарядом запасных полков к 8 часам утра». На этом документе имеется пометка начальника штаба «охраны» Москвы, характеризующая в какой-то мере обстановку: «Эта копия по телефону не передана, потому что телефон все время занят. 6 часов вечера»⁴³.

1 марта в 3 ч. 45 м. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев просил командующего войсками Московского военного округа сообщить, «каково настроение в Москве и не отражаются ли на ней события в Петрограде? Государь император представляет вам полномочие объявить Москву в осадном положении в ту минуту, когда в этом окажется надобность». Ответ был следующим: «Население Москвы, вследствие петроградских событий и отсутствия сведений, крайне возбуждено, газеты сегодня не вышли, 27 февраля порядок не был нарушен. В 12 часам дня 28 февраля почти все заводы забастовали. Рабочие прекращали работу и обезоруживали одиночных городских, собирались толпы с красными флагами, но рассеивались полицией и казаками. Толпа в несколько тысяч собралась у Городской думы, но без активных действий. Одна толпа ворвалась в Спасские казармы, но была вытеснена. Гражданская власть на некоторых площадях передала охранение порядка военным властям»⁴⁴. За час до получения запроса генерала Алексеева (в 2 ч. 45 м. ночи 1 марта) градоначальник Москвы генерал Шсебеко передал по полицейскому телеграфу распоряжение: «Всем полицмейстерам, приставам, начальнику железнодорожного узла, начальникам жандармских железнодорожных отделений. С первого сего марта Москва объявлена на осадном положении, власть перешла военному начальству»⁴⁵.

Но введение осадного положения не могло уже предотвратить неизбежного хода событий. Началось вооруженное восстание. Гарнизон Москвы стал переходить на сторону революционного народа. Ниже приводятся сведения из донесений в штаб «охраны» и показаний участников событий о положении в городе и попытках подавить революционные выступления. Около 5 ч. утра 5-му, как и другим отделам «охраны», был передан по телефону приказ генерала Вогака: ротам, назначавшимся на «охрану», занять к 7 час. утра линию Садового кольца⁴⁶. Задача — не пропускать народ с окраин в центр. Исполняя этот приказ, учебная команда 194-го пехотного запасного полка к 7 ч. 30 мин. утра заняла правый берег Москвы-реки, от Крымского до Б. Каменного моста. У последнего был выставлен караул. В 11-м часу утра демонстранты из числа безоружных солдат школы военных мотоциклистов, рабочих и работ-

⁴¹ Там же, л. 179.

⁴² Там же, л. 175.

⁴³ Там же, л. 180.

⁴⁴ «Красный архив», 1927, т. 2 (21), стр. 17 и 39.

⁴⁵ ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 86, л. 177.

⁴⁶ Точнее, полуокружности Садового кольца и рек Москвы и Яузы, отделявших с юга центр от фабрично-заводских районов.

ниц, шедшие из Замоскворечья, приблизились к мосту и, несмотря на предупреждение офицера, подошли к шеренге солдат, призывая их присоединиться. Была дана команда изготовиться к стрельбе. Большинство солдат, однако, не зарядило винтовок. Видя это, «несколько смельчаков автомобильной роты бросились на начальника команды с намерением обезоружить его». Офицер скомандовал «Пли!», выстрелив из револьвера в одного из вожаков демонстрации. Но раздалась лишь одиночные выстрелы, «которые были направлены не в толпу, а в крышу здания съезда мировых судей и вверх». Солдаты смешались с демонстрантами. Офицеры ретировались. После короткого митинга на мосту солдаты присоединились к демонстрантам и пошли с ними на Воскресенскую площадь (пл. Революции), к зданию Городской думы, где должен был собраться только что избранный Московский Совет рабочих депутатов. В этом столкновении один из демонстрантов был убит и двое смертельно ранены⁴⁷.

«Сообщаю, — доносил в штаб охраны пристав III участка Мясницкой части, — что находившийся на охране Яузского моста командир 664 пешей Полтавской дружины полковник Щавинский (он же начальник 4-го отдела охраны. — Б. Л.) в первом часу дня убит толпою и сброшен в речку Яузу»⁴⁸. События там развивались так. Застава на Яузском мосту была выставлена от 664-й дружины около 8 ч. утра. В 13 часов к мосту подошли демонстранты во главе с рабочими заводов «Динамо» и Гужона. Был дан приказ изготовиться к стрельбе, но караул отказался стрелять. Вызванным из караульного помещения ратникам другой роты дружинный адъютант угрожал расстрелом «через два третьего человека в случае отказа стрелять в народ», перед чем ратников принуждали «клясться над иконой, что ни один... не пустит пули мимо толпы». Для «верности» ратников через одного поставили с городовыми. Когда демонстранты вплотную приблизились к солдатам и попытались разоружить офицера, тот скомандовал «Пли!». С правого фланга строя крикнули: «Братцы, не стреляй!» Офицер выхватил у рядового винтовку, но тот вырвал ее обратно. «С площадной бранью поручик выхватил револьвер и открыл стрельбу вместе с городовыми. Толпа бросилась все-таки вперед. Солдаты смешались с ней». В это время примчался вызванный по телефону начальник 4-го отдела охраны полковник Щавинский. «С револьвером в руках он приказывал стрелять. Солдаты моей роты отказались стрелять и тоже смешались с толпой, которая набросилась на полковника Щавинского и убила его»⁴⁹. Был убит также помощник пристава и ранены два офицера. Со стороны демонстрантов погиб рабочий завода Гужона И. Т. Астахов, чьим именем назван теперь мост.

Таким образом, на главной линии «охраны» — по Садовому кольцу и рекам Москве и Яузе даже в тех ее пунктах, где были активные попытки не пропустить демонстрантов и дело доходило до стрельбы, «толпа» прорывалась к центру города и порой вводила за собой солдат. Другие заставы на линии Садового кольца были либо обойдены через боковые улицы и переулки, либо смяты и увлечены демонстрантами⁵⁰. Тем временем в Ставку поступило сообщение о переходе на сторону революции артиллеристов 1-й запасной бригады на Ходынке, о захвате ими орудий и сараев с вооружением, часть которого была передана восставшим. Командующий войсками округа, в чьи руки сходилась вся информация, послал в 14 ч. 30 м. в Ставку телеграмму, которая подводила окончательный итог событиям: «В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров»⁵¹.

События, в ходе которых отрядами рабочих и революционных солдат были заняты арсенал в Кремле, почта, телеграф и телефон, вокзалы и другие важные объекты, уже не могли найти отражения в документах штаба. Судя по бумагам, датированным 1 марта (в тот день зарегистрированы только «входящие»), деятельность штаба была парализована. Главная причина ясна: переход войск на сторону революции. Но имелась

⁴⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1606, оп. 3, д. 138, лл. 268—270.

⁴⁸ Там же, ф. 8178, оп. 2, д. 86, лл. 193, 198.

⁴⁹ Там же, ф. 1606, оп. 2, д. 1154, лл. 1—14 об.

⁵⁰ Стычка на другой день у Александровских казарм, где в толпе, пришедшей освободить запертых солдат, выстрелом из окна казармы был убит студент, а также столкновение с охраной Бутырской тюрьмы (ранен 1 человек) при провокационной попытке выпустить уголовников, к аппарату «охраны» не имели отношения.

⁵¹ «Красный архив». Т. 2 (21), стр. 45.

и другая причина, несравненно менее значимая, но достаточно характерная. Вечером 28 февраля на квартиру генерала Вогака (Никитский бульвар, № 8) явились парламентарии: лидер московских кадетов Н. М. Кишкин, который на следующий день был избран главой новой власти — председателем Исполнительного комитета общественных организаций Москвы, городской голова М. В. Челноков, ставший комиссаром Временного комитета Государственной думы в Москве, и председатель Московской губернской земской управы подполковник в отставке А. Е. Грузинов, затем командующий войсками гарнизона. В результате переговоров, как поведал о том 10 дней спустя журналистам Кишкин, было получено обещание штаба «охраны» бездействовать, «чтобы дать возможность действовать А. Е. Грузинову»⁵². Генерал Вогак, оценив обстановку, понял, что ненадежность гарнизона, выявившаяся во второй половине дня 28 февраля в братании солдат с «толпой», всеобщая забастовка в Москве и высокая революционная активность рабочих — все это, при явном 27 февраля проигрыше царизма в Петрограде, исключало реализацию плана «охраны» Москвы. Надежд на спасение существующего режима не оставалось. Кроме того, нужно было подумать и о «собственной безопасности»⁵³. Стрельба по демонстрантам на Б. Каменном и Яузском мостах 1 марта, то есть уже после заключения соглашения о «нейтральности» штаба «охраны», может быть объяснена не столько как случившаяся в силу инерции, сколько как результат двурушничества генерала Вогака.

2 и 3 марта в Москве были арестованы высшие представители военной и полицейской власти: командующий войсками округа генерал Мрозовский, градоначальник Шебеко; велись поиски главы московской охраны полковника Мартынова. Но начальник «охраны» Москвы генерал Вогак оставался на свободе, ему не приходилось скрываться. Его кандидатура даже выдвигалась новой властью на пост командующего войсками Московского военного округа⁵⁴. Это назначение, правда, не состоялось. Однако 19 марта генерал Вогак в числе высших военных чинов Москвы торжественно принес присягу Временному правительству⁵⁵. «Джегтьменское соглашение», заключенное на квартире Вогака, как и выдвижение его кандидатуры на пост командующего войсками Московского военного округа, еще раз подчеркивает классовую близость и преемственность между органами и деятелями старой, черносотенно-самодержавной, и новой, кадетско-либеральной, власти. Аппарат же «охраны» Москвы, образованный за полтора года до второй русской революции, постоянно совершенствовавшийся и подготавливавшийся к решительному ее подавлению, не оправдал возлагавшихся на него реакции надежд. Произошло это в результате прямого соприкосновения войск с восставшим народом, увлекшим московский гарнизон на сторону революции.

⁵² «Русское слово», 10. III. 1917.

⁵³ Менее сговорчивым был командующий войсками округа генерал Мрозовский. К нему тоже явился парламентаром М. В. Челноков (28 февраля утром, но не на квартиру, а в служебный кабинет). «Силась быть спокойным», Мрозовский заявил, что будет «вынужден взять на себя тяжелую обязанность применения оружия, если Вы мне не поможете... внести успокоение в массу населения». См. «Утро России», 2. III. 1917.

⁵⁴ «Утро России», 4. III. 1917.

⁵⁵ «Русское слово», 21. III; 13. IV. 1917.